

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 38—59
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.3

Женщина в российском обществе
2020. Специальный выпуск. С. 38—59
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.3

СМЫСЛОВАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СФЕРЕ ТРУДА

Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, О. В. Сорокин

Институт социально-политических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, uzubok@mail.ru

В саморегуляции жизнедеятельности гендерных групп в сфере труда отмечается общее и особенное. Значимым фактором сходства является универсальная структура культурного пространства молодых женщин и мужчин, а различия определяются степенью выраженности отдельных его составляющих. Типология культурного пространства в гендерных группах в наибольшей степени отражается в формировании смысложизненных ценностей, влияние которых проявляется в ценности труда. Наиболее значимая связь терминальной ценности труда в обеих группах отмечается в связи с ценностью справедливости и усиливается смысложизненными ценностями борьбы за справедливость и самореализацией у мужчин, а также стремлением к истине у женщин. Адаптация и вынужденная экономия одинаково выражаются в инструментализации труда гендерных групп. В образе труда молодых женщин доминируют: добросовестное отношение к труду, ответственность, взаимопомощь, а среди молодых мужчин — чувства свободы, независимости и индивидуализма. Изменение смысловых оснований саморегуляции жизнедеятельности гендерных групп происходит в направлении снижения значимости традиционных оснований для женщин. Отличием мужских особенностей восприятия труда является его смысл как источника обеспечения себя и семьи, восходящего к базовым, архетипическим представлениям о социальной роли добытчика и кормильца. В смысловых основаниях образа труда в женской гендерной группе доминируют заработок и самореализация. На основе изменяющейся конфигурации смыслов в культурном пространстве гендерных групп происходит и выбор саморегуляционных стратегий молодежи в сфере труда.

Ключевые слова: молодежь, саморегуляция, жизнедеятельность, молодые женщины, молодые мужчины, труд, культурное пространство, смысл, смысложизненные ценности.

© Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности».

MEANINGS IN SELF-REGULATION OF YOUNG PEOPLE'S LIFE: GENDER DIFFERENCES IN THE LABOR SPHERE

Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov, O. V. Sorokin

Institute of Socio-Political Research,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, uzubok@mail.ru

In the self-regulation of the life activity of gender groups in the sphere of labor, the general and the particular trends are noted. A significant factor of similarity is connected with the universal structure of the cultural space of young people — women and men. But the differences are determined by the severity of its components. The typology of the cultural space in gender groups is most reflected in the formation of life-meaning values. The influence of these meanings is manifested in the value of labor and attitudes towards labor. In both groups there is a most significant connection between the terminal value of labor with the value of justice. Among young men it is reinforced by such the life-meaning values as the struggle for justice and self-realization. Among young women it is linked to the desire for truth. Difficulties of the economic and social adaptation are equally expressed in the instrumentalization of the labor among the both gender groups. The image of work among young women is dominated by conscientious attitude to work, responsibility, mutual assistance; among young men — by feelings of freedom, independence and individualism. The change in the value foundations of self-regulation of the life activity of gender groups is in the direction of reducing the importance of traditional foundations. It is especially true for women. The difference in perception of labor is that young males see labor mostly as a source of support for themselves and the family, which goes back to the basic, archetypal ideas about the social role of the “breadwinner”. In the female gender group structure of meanings work is perceived as the source of personal well-being and self-realization. On the basis of the changing configuration of cultural meanings perception of labor is appearing and the choice of self-regulatory strategies takes place among different gender groups.

Key words: youth, self-regulation, life activity, young women, men, labor, cultural space, meaning, meaning and life values.

Смыслообразование в социальной саморегуляции жизнедеятельности

В ракурсе социологического анализа жизнедеятельность рассматривается как особая форма организации и регулирования взаимно сопряженных действий людей, погруженных в общий социально-экономический и социокультурный контекст. В жизнедеятельности молодежи связываются воедино общественные и индивидуальные стремления, а в саморегуляции — *осмысленный* выбор целей и средств жизнедеятельности, соотнесенный с выбором других.

Осознание индивидуальных действий, направленных на объекты реальности, соотносится индивидом с действиями других людей в схожих условиях и со смыслами, которыми окружающие наделяют события и явления. Поэтому понимание смысла и значения объектов реальности раскрывается в повседневном взаимодействии молодежи, в интерсубъективности. Она возможна благодаря духовной связи между людьми и общему в познании и понимании реальности. Люди

включаются в биографическую ситуацию друг друга и «каждый партнер соучаствует в непосредственной жизни другого, может схватывать в живом настоящем мысли другого шаг за шагом, по мере их смены. Происходят события, строятся планы на будущее, возникают надежды, беспокойство... они живут в чистом “мы-отношении”» [Шюц, 1988: 133]. Благодаря интерсубъективности повседневное знание и жизнь индивидов, принадлежащих к одной группе, отличаются от других. Так возникают различия в опыте и представлениях о реальности «Мы» — группы, в которой индивид чувствует себя как дома, и «Они» — группы, к которой индивид не принадлежит. Такие группы могут выделяться на основе пола, возраста, экономического положения, субкультурных стилевых отличий и т. д. Сформированные в той или иной среде смыслы, как представления о сущности объектов реальности и их значении для жизнедеятельности, проникают в структуру мотивации и смыкаются с ценностями. В свою очередь, ценности — коллективные представления о *высшем смысле* — наполняют деятельность каждого представителя группы общим мировоззренческим содержанием.

Смысл содержит понимание молодыми людьми сущности всего того, чем наполняется жизнедеятельность и одновременно является «дискретным импульсом особого рода интенциональности» [Пелипенко, 2014: 25]. В основаниях культуры, отмечает В. С. Степин, можно выделить фундаментальные жизненные смыслы, базисные ценности, которые объединяют все многообразие культурных феноменов в органическую целостность [Степин, 2011: 67]. Поэтому, как пишет Д. А. Леонтьев, перемещаясь из плоскости изучения сознания в плоскость изучения жизни, вопрос о смысле расширяется и становится вопросом культуры [Леонтьев, 2014: 106].

Конструирование смыслов происходит в культурном пространстве, которое представляет собой форму существования культуры (норм, ценностей, способов организации жизнедеятельности) в сознании молодых людей. Поэтому культурное пространство является «пространством значений» [Конев, 2003: 20] и может быть соотнесено с субъектами и образами, которые они конструируют [Тишков, 2004].

Формирование смыслов предполагает осознанный отбор молодым человеком значимых характеристик реальности и осмысленное встраивание их в свой оценочный аппарат. «В непосредственном опыте, — пишет А. А. Пелипенко, — восприятию открывается не значение, а «ощущаемый смысл» как его имплицитная предпосылка» [Пелипенко, 2001]. В ощущаемом смысле содержится целый набор значений, из которого не столько сознание человека, сколько *культура посредством сознания*, выбирает наиболее адекватные контексту ситуации значения. Поэтому из входящего потока впечатлений в мозг пропускается лишь то, что «так или иначе, корреспондирует с внутренними психическими образами» [Пелипенко, 2011].

Сосуществование и взаимодействие различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира, составляющих представления о реальности, устойчиво проявляется на определенной территории [Замятин, 2002]. Исходя из этого, культурное пространство связано с географическими образами — системами взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, характеризующих территории [Замятин,

2006]. Отражая концентрацию времени, пространства и ментальности [Преснякова, 2013], культурное пространство способно изменять свои границы и содержание в результате взаимодействия с другими пространствами. А с другой стороны, культурное пространство способно сохранять устойчивость [Гудкина, 2003]. Во многом это происходит благодаря многоуровневому механизму формирования смыслов и их связи с саморегуляцией. Наряду с осмыслением, значимая часть саморегуляции протекает в коллективном бессознательном. Совокупный жизненный опыт, накопленный людьми, живущими в конкретном обществе на данной территории, со всеми исторически сложившимися противоречивыми особенностями, воплощается в обобщенных представлениях о реальности, передается в межпоколенческих и внутривпоколенческих взаимодействиях, накапливается в образах окружающего мира и в деятельности. Накопленный опыт существует не только в осознаваемой, но и в неосознанной — архетипической — форме. Архетипы — исторически возникшие «общечеловеческие первообразы», служащие формой накопления и существования всего предшествующего опыта, основой придания смысла явлениям, событиям и процессам, влияющие на поведение, в чем люди обычно не отдают себе отчет [Юнг, 1988]. Безотчетность, нерелефлексированность, но присутствие в социальных практиках и образах реальности — отличительная черта архетипических образов. Переход бессознательных форм в осознанные — осмысленные — происходит в результате рефлексии. Врастающие в ткань социальной жизни образы реальности и реакции на них становятся частью коллективной установки. Нагружаясь не только эмоциями, но и убеждениями, они переходят в индивидуальные жизненные позиции молодых людей.

Наследуя опыт и культурные образцы прежних поколений, молодежь активно переосмысливает их в соответствии с актуальным опытом, наделяя новыми смыслами и значениями. Поэтому в культурном пространстве воспроизводятся не только хорошо узнаваемые образцы базовой культуры, но и современные, возникшие под влиянием глобализации. На их основе складываются разные модели саморегуляции жизнедеятельности. Аккумулируя разнообразные смысловые проекции, культурное пространство отражается в характере смысложизненных ценностей молодых людей *противоречием* между традиционностью и «нарастающей рациональностью» [Чупров и др., 2014].

Гендерные аспекты формирования смыслового пространства

Ключевое понятие для определения смысла, отмечает Д. А. Леонтьев, — это контекст. Вопрос о механизмах порождения смысла — это вопрос о контекстах, в которых люди живут повседневной жизнью. Контексты, в которых обретается опыт и формируются смыслы, могут быть разными, и их можно искать в сознании, картине мира или же в жизненной практике, бытии в мире [Леонтьев, 2014: 108]. Если фоновый контекст смысловой саморегуляции жизнедеятельности задает культура, то ее конкретные проявления обуславливаются групповыми особенностями людей [Леонтьев, 2014: 111]. Именно групповые особенности — возрастные, гендерные и др. — вносят дифференцирующее основание в жизнедеятельность, определяя конкретные смыслы, на которые ориентируются молодые люди в повседневной саморегуляции.

«Гендер — это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в “практиках”, представлениях, нравах; это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно отказаться, — она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия», — отмечают Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина [Здравомыслова, Темкина, 2015: 172]. Причем на сам гендер распространяется тезис о том, что «все в мире социально сконструировано», что основано на концепции социального конструирования реальности, согласно которой реальность является одновременно объективной и субъективной [Бергер, Лукман, 1995], где объективность реальности поддерживается ее независимостью от индивидов, а субъективность — их повседневной созидательной деятельностью [Манхейм, 1994; Шеллер, 2016]. Поэтому в гендерном анализе имеет значение не биологический детерминизм, а собственный выбор людей, который является, прежде всего, смысловым — социокультурным — выбором полов. Смыслы лежат в основе самоидентификации людей и того, чем они наполняют свою жизнь, имея в виду сконструированную гендерную идентичность. Исходя из этого, различия между полами перестают с необходимостью реализовываться как иерархические, предполагающие разный статус и разные возможности, но могут воспроизводиться в силу действия механизма инерции культурных матриц или деконструироваться и создаваться на новой основе в силу культурных изменений. Поэтому конструирование отношений с объектами реальности в сфере труда происходит на основе не только традиционных образцов, но и современных. Идея конструирования гендера, подразумевающая выбор и создание молодыми людьми ролевых структур, собственных форматов и моделей отношений в разных сферах жизнедеятельности, легко вписывается в концепцию социального развития молодежи как изменения количественных и качественных характеристик этой относительно самостоятельной социально-демографической группы. Источником развития в данном случае является инновационная функция молодежи, выраженная в ее способности меняться самой и изменять реальность с учетом актуального социального и культурного опыта, обретаемого во взаимодействии с новыми социальными посредниками. Одним из проявлений таких изменений в современном обществе является выход за пределы ролевых рамок, традиционно связанных с аскриптивными характеристиками. Отношение к труду, выбор карьерных ориентаций, определение места труда в их жизни — предмет их личного выбора, избавленного от обязательной гендерной привязки. Это не означает, что гендер полностью перестает влиять на распределение власти и влияния в обществе, но ожидания и притязания современных молодых людей линейно не связаны с их полом. Они все отчетливее являются основой вариативного жизненного выбора молодых женщин и мужчин. И хотя жизненные притязания могут нести на себе отпечатки соответствующего гендерного опыта социализации, существует установка на выход за пределы гендерных границ и свободу от традиционной гендерной предопределенности. Сама дискуссия об этом влияет на самосознание молодых людей, их восприятие себя и своих возможностей, легитимизирует расширение социальных притязаний и тем самым уже влияет на смысложизненный выбор вне традиционных гендерных стереотипов.

Особенно это касается молодых женщин и наиболее ярко проявляется в сфере экономических отношений.

Анализируя эти процессы, Г. Г. Силласте подчеркивает, что современные динамично меняющиеся общества «отмечены замещением норм старого гендерного порядка новыми нормами в самой подвижной сфере экономического развития — на рынке труда... Особое место в анализе непростого и противоречивого процесса эволюционного замещения гендерного порядка-XX порядком-XXI занимают способы производства, воспроизводства и распространения новых ценностей и моделей поведения, которые развиваются во всех без исключения сферах деятельности: от экономической до семейно-бытовой» [Силласте, 2020: 40].

Социогендерные общности — женская и мужская — рассматриваются Г. Г. Силласте в качестве носителей гендерных ресурсов. «Через реализацию своих способностей и возможностей в форме разных действий и моделей поведения они способны создавать как интеллектуальные, информационные, духовно-культурные — в целом гуманитарные ценности общества, так и ценности материальные, которые образуют достояние государства и материализуются в его экономике» [Силласте, 2020: 44]. «Как основные трудовые ресурсы, гендерные ресурсы представляют собой часть женского и мужского населения, обладающего необходимым физическим развитием, умственными способностями, общеобразовательными и профессиональными знаниями, навыками и практическим опытом реализации себя в различных сферах общественно полезного труда. Эти гендерные ресурсы принципиально отличаются от всех других видов экономических ресурсов, так как являются фактором общественного производства и развития. В определенной мере гендерные трудовые ресурсы связаны и с развитием гендерной экономики, предметом которой выступает гендерный фактор экономического развития и его влияние на экономику» [Силласте, 2020: 45]. В этой связи рассмотрение отношения к труду и формирование образа труда в группе женщин и в группе мужчин показывает качество этих ресурсов, а способы саморегуляции отражают разные представления о реальности и смысложизненный выбор.

Итак, изменение гендерного порядка и конструирование гендера отражает, во-первых, более общие процессы реформирования «системы взаимосвязанных социальных институтов и норм, определяющих социально-статусное положение граждан, конкретных групп населения и социальные отношения между членами общества...» [Силласте, 2020: 43], а во-вторых, деятельностный характер отбора и усвоения опыта, и находит продолжение в создании субъектами любых структур и правил, в том числе гендерных [Здравомыслова, Темкина, 1998].

Все, что происходит на этом поприще, является результатом индивидуального и группового выбора женщин и мужчин, начиная от самоопределения в области идентичностей и заканчивая саморегуляцией трудовых и профессиональных траекторий, как следствие модернизации и либерализации. Сегодня мы наблюдаем, как изменяется доля молодых женщин, ориентированных на современные смысложизненные ценности и практики, допускающих разнообразие форм занятости, самостоятельно и безотносительно традиционных ролевых представлений определяющих желаемое соотношение (баланс) работы и личной жизни, способов самореализации (в труде, в личной или семейной жизни), определяющих смысловые акценты в своей жизнедеятельности [Зубок и др., 2020;

Зубок, Чупров, 2020; Хасбулатова и др., 2020; Савинская, Лебедева, 2020; Силласте, 2019; Хоткина, 2020; Калабихина, 2017; Балдицына и др., 2019].

В то же время полностью исключить гендерный опыт, обусловленный более глубокими пластами культуры и в той или иной мере влияющий на жизненные стратегии, невозможно. Это в определенной мере объясняет неоднозначные сочетания установок в современном культурном пространстве молодых женщин и мужчин, что обнаруживается в их смысловых конструкциях.

Труд как пространство жизнедеятельности и смысловая конструкция

Труд остается одной из важнейших сфер жизнедеятельности молодежи. По данным статистики, в 2018 г. примерно каждый пятый трудящийся был молодой человек в возрасте до 29 лет [Хоткина, 2020: 136]. В группе 15—19-летних, включенных в трудовые отношения, — 5,6 %, в группе 20—24-летних — 47,8 %, а в самой старшей — 25—29 лет — 84,3 % [Труд и занятость... , 2019: 24]. Численность работающих молодых мужчин превышает аналогичные показатели среди девушек и женщин и составляет в группе 15—19 лет соответственно 6,4 % против 4,7 %; в группе 20—24 лет — 52,9 и 42,5 %; в группе 25—29 лет — 90,7 и 77,6 % [Труд и занятость... , 2019: 24].

Во взаимодействии с другими молодые люди познают условия и отношения в сфере труда во всем их многообразии. Процесс познания сопровождается осознанием его смысла и включением в структуру мотивации. Ожидание возможности реализовать связанные с трудом потребности, интересы и ценности определяет отношение молодых людей к труду вообще, т. е. как к объекту социальной реальности, а не только как к конкретной работе.

Понимание смысла труда и его назначения в жизни проецируется на базовые характеристики образа труда, содержащиеся в сознании разных групп молодежи. Образ в данном случае «есть не просто отфильтрованная аппаратом человеческого восприятия «объективная», отраженная в сознании, а «идеальный образ, в некотором смысле, первичный по отношению к своему внешнему эмпирическому корреляту» [Пелипенко, 2011].

В различных производственных и жизненных ситуациях, под влиянием группового опыта, разные аспекты труда могут приобретать неодинаковое значение. Они образуют социально-ситуационные характеристики отношения к труду, расширяя его смысл и порождая новые оттенки ценностных установок и стремлений молодежи в этой сфере. Поэтому формирование образа труда — развернутый во времени процесс конструирования и переконструирования его смысла. В этих процессах проявляется и определенная степень преемственности традиционных значений труда, и его изменение под влиянием современных социально-экономических и социокультурных условий. Поскольку в реальном процессе трудовой деятельности переплетается множество интересов молодежи и различных ролевых обязательств, которые молодые люди реализуют в своей повседневной жизни, то и в восприятии труда появляются разные оттенки. Их равнодействующая определяет общую смысловую направленность значения труда для конкретного молодого человека.

В зависимости от смысла, которым наделяется труд и значения, которое ему приписывается, выстраиваются ценностные приоритеты жизнедеятельности молодых людей, реализуемые в сфере труда. В парадигме рациональности М. Вебера эти основания определяют характер свершаемых действий — традиционное и аффективное, ценностно-рациональное и целерациональное [Вебер, 1990]. А в более широком плане они определяют установки в сфере труда.

Целерациональное действие, отмечает В. В. Щербина, четко связано с выгодой и различием целей и средств, а ценностно-рациональное их не разводит, а поступки, совершаемые в рамках этой схемы, рассматривает как самоценные, не ориентируя их на выгоду или успех, но связанные с представлением о долге [Щербина, 2018]. Эти типы существуют в виде коллективных установок на наиболее общие смыслы труда — инструментальные и терминальные.

Традиционные и аффективные действия в большей степени основаны на эмоциональных переживаниях, а не на осмысленном и разумном выборе (аффективное). Также они базируются на привычке, воспроизводящей сложившиеся формы поведения в трудовой сфере. В обоих случаях, отмечает В. В. Щербина, они трактуются как слабоосмысленные и бездумные [Щербина, 2018].

«Предполагаемый смысл» *реального* поведения, пишет М. Вебер о подобных слабоосмысленных действиях, *в подавляющем большинстве сознается смутно или вообще не сознается*. Действующий индивид лишь неопределенно «ощущает» этот смысл, а отнюдь не знает его, «ясно его себе не представляет», в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой. Очень редко люди, а при массово-однородном поведении лишь отдельные индивиды отчетливо осознают его (рациональный или иррациональный) смысл [Вебер, 1990].

Для анализа конструирования образа труда веберовское понимание социального действия имеет значение в соотнесении «традиционного» с понятием «архетип» и «габитус». В первом случае в представлениях о труде выделяются его первообразы, во втором — устойчивые социальные практики.

Исторически образ труда в российском обществе складывался на основе противоречивых смыслов, в которых выявляется и отношение к труду как к безусловной ценности и к средству достижения иных целей, как к добродетели и к тяжкому бременю. Под влиянием православия формировалось представление о труде как единственном справедливом источнике благосостояния [Шанин, 2003: 120], радости и удовольствия от творчества. Мотивация труда как источника прибыли православной этикой была в значительной степени блокирована, но и безусловной ценностью это нравственно-богоугодное дело тоже не является [Шкаратан, 2003: 41]. Посвящение себя труду «до забвения великого дела спасения» расценивается как «недостаток» и проявление «жадности к прибыли». «Труд» отличается по смыслу от «работы». Трудятся по долгу, а работают — по принуждению (обязанности и нужде). Работать может не только человек, но домашнее животное и машина, а труд — прерогатива исключительно человека [Колесов, 2004: 84]. Тяжелый и подневольный труд в трудных климатических условиях, в условиях риска неурожая, труд недооцененный и недоплаченный являлся частью реальности российского общества на протяжении его долгой истории, что зафиксировалось в противоречивом образе труда и сформировало

противоположные смыслы — от «Труд кормит, а лень портит» и «Без труда не вынешь рыбку из пруда» до «Ешь потей, работай — зябни» и «Работа не волк, в лес не убежит». Поэтому, с одной стороны, труд является важным фактором личностного самоопределения молодежи, а с другой — имеет высокое инструментальное значение, соотносимое с вознаграждением.

Современное отношение к труду у молодых женщин и мужчин связано с влиянием новейших представлений о благополучии и успешности, самореализации и личностном самоопределении. А разные смысловые установки регулируют степень, корректируют образ труда и его ценность в сознании молодежи. Рассмотрим, как это происходит в разных гендерных группах, в чем общее и особенное в ценностных аспектах образа труда молодых женщин и мужчин, каковы смысловые основания саморегуляции трудовых отношений гендерных групп и какую роль в этом играет культура.

Методы исследования

Анализ основан на результатах всероссийского социологического исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН среди молодежи в возрасте 15—29 лет. Сбор эмпирических данных осуществлен методом личного интервью по месту жительства респондентов в 2017 году по выборке, репрезентативной для населения России в 28 населенных пунктах 7 субъектов РФ. Всего в ходе исследования опрошено 803 человека. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию, частично был применен метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей (руководители исследования: д-р социол. наук, проф. Ю. А. Зубок, д-р социол. наук, проф. В. И. Чупров). Опрос проводился Институтом общественного мнения «Квалитас» (руководитель — д-р социол. наук Н. А. Романович, г. Воронеж).

Для определения общего и особенного в смысловом пространстве молодежи и его влияния на конструирование образа труда в гендерных группах были выделены, во-первых, типы культуры. Для этого был применен подход П. А. Сорокина, изложенный в книге «Социокультурная динамика...», но переосмысленный для целей данного исследования (подробнее о типах культуры П. А. Сорокина см.: [Сорокин, 2000; Чупров, 2018; Зубок, Чупров, 2019]). Были выделены базовые типы культуры и соответствующие им смысловые приоритеты, определяющие не только основания жизнедеятельности молодежи, но и направленность ее саморегуляции. К ним отнесены следующие типы: *инновационный* (преобразование действительности, высокая активность, предприимчивость), *гедонистический* (стремление получить от жизни как можно больше удовольствий), *физического развития* (преобразование «себя», культ тела и стандартизация телесности, здоровый образ жизни), *духовный* (активизация духовной жизни вокруг триады культуры человечества: истина — добро — красота), *адаптационный* (необходимость экономить во всем, приспосабливаясь к постоянно изменяющимся условиям) и *моральной аномии* (отрицание моральных

норм, нравственный релятивизм и индивидуализация морали). Индикаторами интенциональности — установок молодежи на тот или иной тип культуры — стали ответы на вопрос о том, насколько респонденты разделяют соответствующие им смыслы.

Во-вторых, смысложизненные ценности — коллективные представления о высших смыслах жизнедеятельности. Их индикаторами выступили такие смыслы, как любовь, спокойная и безбедная жизнь, продолжение себя в будущих поколениях (детях), проявление своей индивидуальности (самореализация), борьба за справедливость и политическая борьба.

В-третьих, архетипические компоненты культуры, содержащиеся в поговорках, отразившие распространенные в российской культуре смыслы и олицетворяющие их образы. Архетипы: *судьбы* («Чему быть — того не миновать»), *добра* («Добро не умрёт, а зло пропадёт»), *совести* («Хоть мошна пуста, да совесть чиста»), *вины* («Послушание — добродетель, непослушание — грех»), *правоты власти* («Где царь — тут и правда»), *славы* («Бессмертен тот, кто славу добрую при жизни обретёт»), *спасителя* («Сколько нечисть ни тешится, а придёт добрый молодец и сокрушит нечестивца»), *идеализации прошлого* («Почитай старое, обретаешь новое»).

Ценностные составляющие образа труда — терминальные и инструментальные — раскрывались в ответах респондентов на вопрос «В чем для Вас смысл труда?». Труд как терминальная, т. е. безусловная ценность определяется следующими смысловыми значениями: *ощущением своей полезности, внутренней потребностью, творчеством*, с которыми связываются профессиональные ожидания. А инструментальная ценность — *возможностью заработать, вынужденной необходимостью и общением*, определяющими направленность жизнедеятельности в этой сфере.

Исходя из методологического принципа конструирования гендера, принадлежность к той или иной гендерной группе определялась на основе самоидентификации респондентов. Для анализа были отобраны две группы, самостоятельно определившие свой пол.

Гендерные различия смыслового пространства молодежи

Для общего понимания структуры смыслового пространства и его доминант рассмотрим, как распределились выделенные культурные типы и соответствующие им устремления по гендерным группам.

Как видно из таблицы 1, три типа культуры и содержащиеся в них смысловые приоритеты имеют одинаковое ранговое значение, в обеих группах — это доминирующие у современной молодежи *инновационная культура, культура физического развития и гедонистическая*. Два из них — *инновационная и физического развития* — имеют равное доленое представительство в обеих группах. Одинаковое значение у женщин и мужчин имеет и *духовная культура*, держащая в обеих группах уровень даже чуть выше, чем в целом по молодежи. Указанные типы в полной мере могут быть названы общим основанием культурного пространства молодежи, независимо от гендерной самоидентификации.

Таблица 1

Гендерные различия в типологии культуры, %

Тип культуры	Разделяют в полной мере		Разделяют не полностью		В целом по молодежи	
	Ж	М	Ж	М	Разделяют в полной мере	Разделяют не полностью
Инновационная (ориентация на новизну)	40,5	40,4	47,5	47,4	40,6	47,4
Физического развития (физическое преобразование себя в соответствии со стандартами современного мира)	38,3	38,4	49,4	41,2	38,4	45,3
Гедонистическая (ориентация на удовольствия, впечатления)	35,9	39,9	42,0	40,7	37,9	41,3
Духовная (духовное преобразование себя в соответствии с высшими смыслами «добра» и «зла»)	25,1	25,2	50,9	49,7	23,2	50,3
Адаптационная (приспособление к изменяющимся условиям путем сбережения минимума)	22,4	19,2	58,0	55,8	20,8	56,5
Моральной аномии (отказ от норм, моральная амбивалентность, и пластичность)	19,7	23,2	39,8	42,4	21,4	41,1

Однако анализ различий в идентификации с выделенными типами показал не только сходство, но и заметное расхождение в молодежной среде. Оно заключается в том, что среди молодых женщин ниже показатель *гедонистической культуры* и *моральной аномии*, но выше *адаптационной*. Типология культуры и соответствующих ей смысловых интенций в женской гендерной группе выстраивается в следующем порядке: *инновационная, культура физического развития, гедонистическая, духовная, адаптационная, моральной аномии*. А в мужской — *инновационная; практически совпавшие в своем значении культуры гедонистическая и физического развития; культура моральной аномии, духовная, адаптационная*.

Как видно, в культурном пространстве гендерных групп проявилась смысловая основа как традиционной, так и современной культуры. Еще более выражена эта дихотомия в структуре смысложизненных ценностей молодежи (табл. 2).

В структуре смысложизненных ценностей молодежи в целом выстраивается очевидная иерархия, на вершине которой находятся три базовые ценности: любовь, спокойная безбедная жизнь, проявление своей индивидуальности (самореализация). Если с точки зрения отражения этих смыслов в культурных традициях любовь и спокойная безбедная жизнь еще могут быть интерпретированы и как традиционная ценность, и как современная, то самореализация и проявление индивидуальности являются следствием интериоризации женщинами современных представлений, переосмысления ролевых структур и на их основе гендерного контакта.

Таблица 2

Смысложизненные ценности в гендерном разрезе, %*

Смысложизненные ценности	Женщины	Ранг	Мужчины	Ранг	Молодежь в целом	Ранг
Любовь	69,5	1	46,0	1	58,0	1
Спокойная безбедная жизнь	40,5	2	43,7	2	42,2	2
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	39,3	3	34,8	3	37,1	3
Продолжение себя в будущих поколениях	29,2	4	33,8	4	31,5	4
Стремление к истине	26,0	5	29,3	5	27,6	5
Борьба за справедливость	18,4	6	23,7	6	21,0	6
Политическая борьба (за власть)	4,4	7	3,5	7	4,0	7

* Больше 100 %, так как допускалось несколько вариантов ответа.

Ранговые значения смысложизненных ценностей среди молодых женщин не отличаются от выявленных среди молодых мужчин, чего нельзя сказать о степени их выраженности. Наибольшие различия отмечены по четырем смысловым ценностям: в связи с опережающим ростом значения ценности любви (в 1,8 раза выше среди женщин), самореализации (39,3 против 34,8 % у мужчин). А также снижением по сравнению с мужчинами значения социальной справедливости (18,4 против 23,7 %) и традиционно приписываемой женщине ценности продолжения себя в будущих поколениях (29,2 против 33,8 %). Показатель ориентации на детей как смысл жизни у женщин ниже не только по сравнению с мужчинами, но и со средним показателем по молодежи. Налицо дестрадиционализация сознания современных молодых россиянок и укрепление в их среде современных смысловых ценностей. В сочетании с преобладающими типами культуры это свидетельствует о формировании современной структуры жизнедеятельности и вызова традиционной.

Распределение архетипических установок по группам, содержащееся в таблице 3, показывает сходства и различия в базовых основаниях культуры женщин и мужчин.

Таблица 3

Связь гендерных характеристик с архетипами, %

Гендерная характеристика	Связь с архетипами							
	судьбы	добра	совести	правоты власти	вины	славы	спасителя	идеализации прошлого
Женщины	72,2	60,9	62,4	24,6	45,9	57,7	53,6	74,4
Мужчины	64,9	56,1	58,8	30,1	40,9	59,1	52,0	71,7

В обеих группах с незначительной разницей превалирует архетип идеализации прошлого как бессознательная установка на обращение к историческим образам как критериям оценки настоящего (74,4 % среди женщин и 71,7 —

среди мужчин). Данный архетип является доминирующим в коллективном бессознательном россиян.

В женской гендерной группе столь же сильно проявляется архетип судьбы, который в мужской группе, хотя и занимает вторую ранговую позицию, но проявляется на 8 % реже. Значимую роль в оценках реальности среди женщин играют архетипы совести (62,4 %) и добра (60,9), которые в образах реальности молодых мужчин проявляются несколько меньше. А такие архетипические образы, как спаситель и слава, имеют более схожие значения в обеих группах.

Достаточно высокое значение (хотя и меньше половины в каждой группе) имеют смыслы, связанные с архетипом вины. При этом среди молодых женщин эта доля выше (45,9 и 40,9 % соответственно). Наименее выраженным, хотя и достаточно заметным, оказался архетип правоты власти, характерный для смысловой матрицы каждой третьей из молодых женщин и каждого четвертого из мужчин. Смысловые архетипические образы прошлого, судьбы, добра и совести среди женщин выражены сильнее, чем среди мужчин.

Итак, исследование показывает высокие значения смысловых компонентов в культурном пространстве молодежи. Рассмотрим их регулятивное влияние на образ труда в гендерных группах.

Гендерные различия в образе труда

Ценностная составляющая образа труда позволяет выявить смысловую направленность саморегуляции трудовых отношений молодых женщин и мужчин, а анализ соотношения терминальных и инструментальных ценностей и особенно их связь с типами культуры, смысложизненными ценностями и архетипами показывает, насколько в жизнедеятельности молодежи укрепились разные смысловые проекции труда — традиционные и современные (табл. 4).

Таблица 4

Ценности труда в гендерных группах молодежи, %

Гендерная группа	Терминальные			Инструментальные			Терминальная ценность	Инструментальная ценность
	Ощущение своей полезности	Внутренняя потребность	Творчество	Возможность заработать	Вынужденная необходимость	Общение		
Женщины	19,9	8,2	5,6	56,1	8,2	2,0	33,7	66,3
Мужчины	22,0	6,3	1,0	66,3	2,9	1,5	29,3	70,7
Молодежь в целом	—	—	—	—	—	—	39,7	60,3

Как видно из таблицы 4, инструментальная ценность труда у молодежи превалирует над терминальной ценностью. Следовательно, две трети молодежи рассматривают труд как средство. В то же время, уровень терминального отношения к труду в условиях всеобщего прагматизма остается достаточно высоким (почти 40 %).

И без того высокая инструментализация труда среди молодых мужчин (70,7 %) выражена сильнее, чем у женщин (66,3) и еще сильнее, чем в среднем по молодежи (разница 10 %). А терминальная ценность — слабее, чем у женщин на 5,4 % (29,3 против 33,7 %) и на те же 10 % слабее, чем в общем распределении. Разрыв между самооценным и целерациональным отношением к труду в женской гендерной группе составляет почти 2 раза, а в мужской — 2,4 раза.

Для более детального анализа смысловых оснований саморегуляции в сфере труда рассмотрим связь ценности труда с типологией культуры и смысло-жизненными ценностями в гендерных группах (табл. 5).

Таблица 5

Связь типов культуры с ценностью труда, %

Тип культуры	Терминальная ценность		Инструментальная ценность	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Духовная культура	52,0	41,7	48,0	58,3
Инновационная культура	45,4	36,2	54,6	63,8
Гедонистическая культура	46,6	30,4	53,4	69,6
Культура моральной аномии	46,2	31,5	53,8	68,5
Культура физического развития	51,3	37,6	48,7	62,4
Адаптационная культура	41,8	18,3	58,2	81,7

Анализ связи разделяемых типов базовой культуры с ценностью труда — терминальной и инструментальной — показывает существенные различия в установках гендерных групп. У женщин проявляется наибольшая связь терминальной ценности труда с духовной культурой (52 %) и культурой физического развития (51,3 %); меньшая — с инновационной, гедонистической и моральной аномии (соответственно 45,4, 46,6 и 46,2 %). А рост инструментальной ценности труда у женщин отмечен во взаимосвязи с адаптационной (58,2 %), чуть меньше — с культурой инновационной (54,6 %), гедонистической (53,4 %) и моральной аномии (53,8 %). У каждой второй молодой женщины инструментализация труда имеет связь с духовной культурой и культурой физического развития (48 и 48,7 %).

У мужчин инструментализация труда превалирует над его терминальным смыслом. В большей степени на это влияет адаптационная культура — 81,7 %, что в 1,4 раза чаще, чем среди женщин. В сравнении с аналогичным показателем среди женщин гедонистическая культура повышает инструментальную ценность труда в мужской группе на 16 %, культура моральной аномии — на 14,7, физического развития — на 13,7, духовная — на 10,3, инновационная — на 9,2 %. Рассмотрим, какова связь отношения к труду со смысло-жизненными ценностями.

Таблица 6

Связь смысложизненных ценностей с ценностью труда, %

Смысл жизни	Терминальная ценность		Инструментальная ценность	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Стремление к истине	65,1	44,0	34,9	56,0
Любовь	50,7	36,2	49,3	63,8
Борьба за справедливость	56,0	45,8	44,0	54,2
Спокойная безбедная жизнь	40,9	26,6	59,1	73,4
Политическая борьба (за власть)	33,4	21,4	66,6	78,6
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	49,4	44,2	50,6	55,8
Продолжение себя в будущих поколениях	39,5	38,1	60,5	61,9

Как показывают данные таблицы 6, под влиянием смысложизненных ценностей терминальное отношение к труду среди женщин продолжает укрепляться значительно сильнее, чем среди мужчин, а инструментальное во всех случаях оказывается ниже. Исключение составляет ценность *продолжения себя в детях*, которая реализуется преимущественно в инструментализации труда и распределяется у женщин и у мужчин практически в равных долях: терминальное отношение присуще 39,5 у женщин и 38,1 % у мужчин; инструментальное — 60,5 у женщин и 61,9 % у мужчин. При этом заметна более высокая реактивность инструментальной ценности труда. Ее изменение происходит под влиянием большего числа жизненных смыслов.

Рост самоценного отношения к труду у молодых женщин, в сравнении с мужчинами, особенно заметен в связи со следующими смыслами: *стремлением к истине* (65,1 %), *борьбой за справедливость* (56,0); *любовью* (50); *проявлением своей индивидуальности, самореализацией* (49,4 %). А усиление инструментальной ориентацией — с *политической борьбой и борьбой за власть* (66,6 %); *продолжением себя в будущих поколениях* (60,5 %); *спокойной безбедной жизнью* — 59,1 %.

Некоторые смысложизненные ценности и вовсе амбивалентны и одинаково формируют как терминальное, так и инструментальное отношение к труду. Таким двойственным значением у женщин отличаются *любовь* и *самореализация*, в отличие от мужчин, у которых эти же стремления конвертируются в противоположное отношение к труду как средству.

В мужской группе те же смысловые ориентации реализуются в инструментализации. Особенно это касается ценности *борьбы за власть* (78,6 %), *спокойной и безбедной жизни* (73,4), *любви* (63,8). Но и другие смыслы — *стремление к истине, справедливости и самореализация* — также связаны с проявлением рационализации трудовых отношений.

Различия в восприятии труда проявляются на уровне базовых составляющих его образа. Об этом говорит связь ценности труда и смысловых характеристик культурного пространства, отраженных в архетипах (табл. 7).

Таблица 7

Связь архетипов с ценностью труда в гендерных группах, %

Архетип	Ощущение своей полезности		Возможность зарабатывать		Внутренняя потребность		Вынужденная необходимость		Творчество		Общение		Терминальная ценность		Инструментальная ценность	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М
Судьбы	31,0	26,1	43,2	56,4	7,8	3,5	7,8	7,8	7,8	5,1	2,4	1,2	46,6	34,7	53,4	65,3
Добра	31,5	27,5	37,1	55,9	10,9	4,1	8,5	7,2	8,5	5,0	3,6	0,5	50,9	36,6	49,1	63,4
Совести	35,0	26,6	37,8	55,4	10,2	6,0	6,3	8,2	8,7	3,4	2,0	0,4	53,9	36,0	46,1	64,0
Правоты власти	30,0	25,2	39,0	59,7	13,0	1,7	7,0	10,1	6,0	2,5	5,0	0,8	49,0	29,4	51,0	70,6
Вины	30,5	24,7	41,2	59,3	9,6	4,3	7,0	7,4	8,0	4,3	3,2	0,0	48,1	33,3	51,9	66,7
Славы	31,1	25,2	40,0	54,7	9,8	6,0	7,2	8,1	9,4	5,1	2,6	0,9	50,3	36,3	49,7	63,7
Спасителя	31,7	27,7	40,8	53,9	8,7	4,9	7,8	8,3	8,7	4,9	2,3	0,5	49,1	37,5	50,9	62,5
Идеализации прошлого	30,4	26,4	39,3	54,9	10,9	5,6	7,6	7,7	9,6	4,2	2,3	1,1	50,9	36,2	49,1	63,8
Среднее													49,9	35,0	50,2	65,0

Как видно из таблицы 7, связь архетипов с образом труда по-разному проявляется у женщин и мужчин. Архетипические образы в женском сознании порождают скорее неоднозначное восприятие труда: инструментальные (49,9 %) и терминальные (50,2) ценности проявляются примерно в равных долях. Иными словами, параллельно с самооценным отношением к труду укрепляется и его инструментализация.

В сознании мужчин происходит еще более резкий рост инструментализации и отмечается почти двукратный разрыв между терминальным (35 %) и инструментальным (65 %) отношением к труду.

У женщин терминальная ценность растет под влиянием архетипа совести, а инструментальная — судьбы. У мужчин невысокая терминальная ценность труда в целом достаточно равномерно сопрягается со всеми архетипами, но более всех — с архетипом спасителя (37,5 %), а менее — с архетипом правоты власти (29,4). Инструментальная, наоборот, в первую очередь связана с верой в правоту власти (70,6 %) и меньше всех остальных — с ролью спасителя (62,5).

Наиболее значимым в терминальном отношении к труду и у женщин, и у мужчин является ощущение своей полезности. При этом важность данного аспекта труда для женщин превышает аналогичный показатель среди мужчин. Особенно влиятельным здесь снова является архетип совести (35 % у женщин против 26,6 — у мужчин). А в регуляции образа труда как общественной пользы в группе мужчин значимых различий между действием разных архетипов нет.

В инструментальном отношении к труду в обеих группах доминирует ориентация на заработок. В мужской группе этот показатель по своему значению выше, а из всех архетипов больше всего с ним связаны архетипы вины (59,3 %) и правоты власти (59,7).

Выводы

Значение труда в сознании молодежи в целом зависит от понимания его субъективного смысла. На этом основываются базовые составляющие образа труда, восприятие его ценностного значения и роли, которую труд призван сыграть в жизнедеятельности. Ценность труда, сформированная в коллективном сознании, отражается в сознании индивидуальном, определяя направленность саморегуляции жизнедеятельности в этой сфере.

Существуют различия в образе труда, сформировавшемся в сознании молодых женщин и мужчин. Инструментальная ориентация в мужской гендерной группе значительно более выражена, чем в женской. Если в сознании женщин образ труда допускает вариации, то для мужчин труд — преимущественно заработок. В этом смысле труд для них является главным каналом реализации традиционной социальной роли, которая, несмотря на заметные культурные сдвиги, остается в сознании молодых мужчин доминирующей. Поэтому противоречие, возникающее из-за невозможности выполнения этой роли в условиях ничтожной оплаты труда и экономических кризисов, становится причиной не только трудовых деформаций, но и широкого круга социальных и психологических проблем. В отличие от мужчин, женщины находятся в иной позиции. Их сложная ролевая структура и разноплановые обязательства смягчают зависимость от инструментальной составляющей труда, расширяя структуру ожиданий в этой сфере.

В то же время доминантной тенденцией является укрепление современной структуры смысложизненных ценностей у молодых женщин. В женской гендерной группе активно происходит перераспределение ценностей от традиционных (патриархальных), связанных с продолжением себя в детях, к современным смысложизненным ценностям, восходящим к самореализации. Следствием этого является переосмысление ожиданий от труда, отражающих изменения в представлении о труде как способе индивидуальной самореализации и источнике безбедной жизни.

Механизм формирования и саморегуляции образа труда в разных гендерных группах различается. Связь типов культуры, архетипов и смысложизненных ценностей с представлениями о труде показывает существенные различия смысловых оснований саморегуляции у молодых женщин и мужчин. Если у женщин в большинстве случаев самоценное восприятие труда выше, либо сохраняется наравне с его инструментализацией, то у мужчин под влиянием любых условий инструментализация возрастает и существенно доминирует над терминальным смыслом труда.

При этом общим является инструменталистское влияние адаптационной культуры на саморегуляцию в сфере труда, независимо от гендера. Экономия и адаптация в условиях изменяющейся реальности является триггером расширения пространства инструментализации труда. Саморегуляция труда в этих условиях полностью зависит от его способности поддерживать ожидаемый уровень жизни молодежи. А это в условиях кризиса становится все более неопределенным.

Библиографический список

- Балдицына Е. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 43—51.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Гуткина И. М. Культурное пространство: проблемы и перспективы изучения // *Философия и современность*. Саратов: Научная книга, 2003. С. 79—87.
- Замятин Д. Н. Геокультура: образ и его интерпретации // *Социологический журнал*. 2002. № 2. С. 5—12.
- Замятин Д. Н. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера // *Социологический журнал*. 1998. № 3—4. С. 171—182.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 304 с.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // *Вестник Института социологии*. 2019. Т. 10, № 4. С. 164—186.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В. Молодые женщины: социокультурная саморегуляция жизнедеятельности в сфере труда // *Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 15—19.
- Калабихина И. Е. Почему нельзя откладывать деятельность по вовлечению женщин в STEM-отрасли в современной России // *Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: материалы VII Международной социологической Грушинской конференции*. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 372—374.
- Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. 237 с.
- Конев В. А. Онтологические особенности мира человека. Самара: Самар. ун-т, 2003. 72 с.
- Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // *Мир психологии*. 2014. № 1. С. 104—117.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Пелипенко А. А. Рождение смысла // *Мир психологии*. 2001. № 2. С. 48—58.
- Пелипенко А. А. Человек между природой и культурой // *Вопросы социальной теории: научный альманах / под ред. Ю. М. Резника, М. В. Тлостановой*. М., 2011. Т. 5: Человек в изменяющемся мире: проблемы. С. 344—371.
- Преснякова Л. В. Понятие «Культурное пространство» в работах современных российских исследователей // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 7. С. 56—64.

- Савинская О. Б., Лебедева Н. В. Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 62—75.
- Силласте Г. Г. Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 38—51.
- Силласте Г. Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4—13.
- Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Рус. христ. гуманит. ин-т, 2000. С. 40—65.
- Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: Санкт-Петербург. гуманит. ун-т профсоюзов, 2011. 408 с.
- Тишков В. А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 14—31.
- Труд и занятость в России, 2019: статистический сборник / Росстат. М., 2019. 135 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н., Ростовская Т. К. Технологическая гендерная сегрегация на рынке труда в экономике XXI века: направления исследования // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 9—14.
- Хоткина З. А. Актуальные вызовы рынка труда и их гендерные последствия для занятости // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 136—148.
- Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 4. С. 14—19.
- Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 352 с.
- Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 135—149.
- Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Ин-т. общегуманит. исслед. 2016. 306 с.
- Шкаратан О. И. Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 41.
- Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129—137.
- Щербина В. В. Теоретико-методологические основания рационализации управленческой деятельности: к разработке программы реформирования отечественной системы управления // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 164—174.
- Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 124—133.

References

- Balditsyna, E. I., Baklanov, I. S., Baklanova, O. A. (2019) Osobennosti issledovaniia gendernoĭ identichnosti v sovremennoĭ sotsial'noĭ teorii [Features of gender identity research in modern social theory], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—51.
- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti* [Social construction of reality], Moscow: Medium.

- Chuprov, V. I. (2018) Samoregulatsiia zhiznedeiatel'nosti molodēzhi v kul'turnom prostranstve: kontsepsiia sotsiokul'turnogo mekhanizma [Self-regulation of youth life in the cultural space: the concept of socio-cultural mechanism], *Gumanitarii Iuga Rossii*, vol. 7, no. 4, pp. 14—19.
- Chuprov, V. I., Zubok, Iu. A., Romanovich, N. A. (2014) *Otnoshenie k sotsial'noī real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyī mekhanizm formirovaniia i vosproizvodstva* [Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction], Moscow: Norma: INFRA-M.
- Gutkina, I. M. (2003) Kul'turnoe prostranstvo: problemy i perspektivy izucheniia [Cultural space: problems and prospects of studying], in: *Filosofiia i sovremennost'*, Saratov: Nauchnaia kniga, pp. 79—87.
- Lung, K. G. (1988) Ob arkhētipakh kollektivnogo bessoznatel'nogo [On the archetypes of the collective unconscious], *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 124—133.
- Kalabikhina, I. E. (2017) Pochemu nel'zia otkladyvat' deiatel'nost' po vovlecheniiu zhenshchin v STEM-otrasli v sovremennoī Rossii [Why it is impossible to postpone the involvement of women in the STEAM industry in modern Russia], in: *Navstrechu budushchemu: Prognozirovanie v sotsiologicheskikh issledovaniakh: Materialy VII Mezhdunarodnoī sotsiologicheskoi Grushinskoī konferentsii*, Moscow: Vserossiiskī tsentr izucheniia obshchestvennogo mneniia, pp. 372—374.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N., Rostovskaia, T. K. (2020) Tekhnologicheskaiia gendernaia segregatsiia na rynke truda v ēkonomike XXI veka: napravleniia issledovaniia [Technological gender segregation in the labor market in the economy of the XXI century: research directions], *Zhenshchiny v professiiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy*, Ivanovo: Ivanovskī gosudarstvennyī universitet, pp. 9—14.
- Khotkina, Z. A. (2020) Aktual'nye vyzovy rynka truda i ikh gendernye posledstviia dlia zaniatosti [Current labour market challenges and their gender implications for employment], *Narodonaselenie*, vol. 23, no. 2, pp. 136—148.
- Kolesov, V. V. (2004) *Iazyk i mental'nost'* [The language and mentality], St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Konev, V. A. (2003) *Ontologicheskie osobennosti mira cheloveka* [Ontological features of the human world], Samara: Samarskī universitet.
- Leont'ev, D. A. (2014) Smysloobrazovanie i ego konteksty: zhizn', struktura, kul'tura, opyt [Meaning formation and its contexts: life, structure, culture, experience], *Mir psikhologii*, no. 1, pp. 104—117.
- Mankheim, K. (1994) *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time], Moscow: Iurist.
- Pelipenko, A. A. (2001) Rozhdenie smysla [The birth of meaning], *Mir psikhologii*, no. 2, pp. 48—58.
- Pelipenko, A. A. (2011) Chelovek mezhdū prirodoī i kul'turoī [Man between nature and culture], *Voprosy sotsial'noī teorii: Nauchnyī al'manakh*, vol. 5: Chelovek v izmeniaiushchemsia mire: problemy identichnosti, Moscow, pp. 344—371.
- Presniakova, L. V. (2013) Poniatie "kul'turnoe prostranstvo" v rabotakh sovremennykh rossiiskikh issledovatelei [The concept of "cultural space" in the works of modern Russian researchers], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, seriia Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia, no. 7, pp. 56—64.
- Savinskaia, O. B., Lebedeva, N. V. (2020) Pochemu zhenshchiny ukhodiat iz STEM: rol' stereotipov [Why women leave STEAM: the role of stereotypes], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 62—75.
- Shanin, T. (2003) Obychnoe pravo v krest'ianskom soobshchestve [Customary law in the peasant community], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 135—149.

- Shcherbina, V. V. (2018) Teoretiko-metodologicheskie osnovaniia ratsionalizatsii upravlencheskoĭ deiatel'nosti: k razrabotke programmy reformirovaniia otechestvennoĭ sistemy upravleniia [Theoretical and methodological grounds for rationalization of management activities: to develop a program for reforming the national management system], *Nauchnyĭ rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 4, no. 4, pp. 164—174.
- Sheler, M. (2016) *Problemy sotsiologii znaniia* [Problems of the sociology of knowledge], Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniĭ.
- Shiuts, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniia [Structure of everyday thinking], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 129—137.
- Shkaratan, O. I. (2003) Russkaia kul'tura truda i upravleniia [Russian culture of work and management], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, p. 41.
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 4—13.
- Sillaste, G. G. (2020) Rynok truda, zaniatosti i professii kak ekonomicheskoe prostranstvo formirovaniia novogo gendernogo poriadka [The labor market, employment and professions as an economic space for the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 38—51.
- Sorokin, P. A. (2000) *Sotsial'naia i kul'turnaia dinamika: Issledovanie izmenenii v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, ėtiki, prava i obshchestvennykh otnoshenii* [Social and cultural dynamics: Research on changes in large systems of art, truth, ethics, law, and social relations], St. Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut, pp. 40—65.
- Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiia i kul'tura* [Civilization and culture], St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gumanitarnyi universitet profsoiuzov.
- Tishkov, V. A. (2004) Kul'turnyi smysl prostranstva [Cultural meaning of space], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 14—31.
- Veber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], Moscow: Progress.
- Zamiatin, D. N. (2002) Geokul'tura: obraz i ego interpretatsii [Geoculture: the image and its interpretation], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 5—12.
- Zamiatin, D. N. (2006) *Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Modeling geographical images], Moscow: Znak.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (1998) Sotsial'noe konstruirovaniie gendera [Social construction of gender], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3—4, pp. 171—182.
- Zubok, Iu. A., Chuprov, V. I. (2020) *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulatsiia zhiznedeiatel'nosti* [Youth in the cultural space: self-regulation of life], Moscow: Norma.
- Zubok, Iu. A., Chuprov, V. I. (2019) Samoregulatsiia smyslozhiznennykh tsennostei v kul'turnom prostranstve molodĕzhi [Self-regulation of life-meaning values in the cultural space of young people], *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 10, no. 4, pp. 164—186.
- Zubok, Iu. A., Chuprov, V. I., Sorokin, O. V. (2020) Molodye zhenshchiny: sotsiokul'turnaia samoregulatsiia zhiznedeiatel'nosti v sfere truda [Young women: socio-cultural self-regulation of life in the field of work], in: *Zhenshchiny v professiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 15—19.

Информация об авторах / Information about the authors

Зубок Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, uzubok@mail.ru. (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of Youth Sociology Centre, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Чупров Владимир Ильич — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, chuprov443@yandex.ru. (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Chief Researcher of Youth Sociology Centre, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Сорокин Олег Владимирович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, ov.sorokin@gmail.com. (Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher of Youth Sociology Centre, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).